

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»

город Санкт-Петербург

10 февраля 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи О.С.Хохряковой, проводившей на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Т.М.Бирюковой, Е.В.Саблиной и Н.С.Саблиной,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Т.М.Бирюкова, Е.В.Саблина и Н.С.Саблина оспаривают конституционность статьи 8 «Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей» Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», согласно

которой изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

Как следует из представленных материалов, заявители являются близкими родственниками А.О.Саблиной (Е.В.Саблина – мать, Т.М.Бирюкова – бабушка со стороны матери, Н.С.Саблина – бабушка со стороны отца). 11 января 2014 года А.О.Саблина, проживавшая в городе Москве, получила травмы в результате дорожно-транспортного происшествия и в состоянии комы была доставлена в 24-е отделение реанимации и интенсивной терапии государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница № 1 имени Н.И.Пирогова Департамента здравоохранения города Москвы», где 17 января 2014 года скончалась; на момент смерти ей было 19 полных лет. В период с 12 января по 17 января 2014 года Е.В.Саблина регулярно навещала дочь в медицинском учреждении, находилась в контакте с врачами, которые сообщали ей о состоянии ее здоровья; 17 января 2014 года в посещении дочери ей было отказано.

В феврале 2014 года в результате ознакомления с материалами уголовного дела, возбужденного в отношении водителя автомобиля, совершившего наезд на А.О.Саблину, Е.В.Саблиной стало известно содержание заключения судебно-медицинского эксперта, проводившего экспертизу трупа ее дочери, в котором, в частности, указывалось, что из тела А.О.Саблиной после ее смерти были изъяты в целях трансплантации некоторые органы.

В ноябре 2014 года Е.В.Саблина, Т.М.Бирюкова и Н.С.Саблина обратились в Замоскворецкий районный суд города Москвы с исковым заявлением к ГБУЗ города Москвы «Городская клиническая больница № 1 имени Н.И.Пирогова Департамента здравоохранения города Москвы», ГБУЗ города Москвы «Городская клиническая больница имени С.П.Боткина» и

ФГБУ «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.А.Шумакова» Министерства здравоохранения Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного тем, что Е.В.Саблина не была допущена к своей дочери, находившейся в реанимационном отделении, в последний день ее жизни, тем, что истцы не были проинформированы о смерти их дочери и внучки, а также тем, что ее органы были изъяты в качестве трансплантатов без информирования и согласия родителей. Решением от 7 апреля 2015 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявителям было отказано в удовлетворении их требований.

Оценивая доводы заявителей о незаконности посмертного изъятия органов А.О.Саблиной в целях трансплантации без информирования и согласия близких родственников как необоснованные, суд сослался на предписания статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», указав в числе прочего, что федеральный законодатель, определяя условия и порядок трансплантации, в частности изъятия органов и (или) тканей у трупа с целью пересадки нуждающемуся в этом реципиенту, установил в названной статье недвусмысленно выраженный запрет на такое изъятие в случае, когда учреждение здравоохранения на момент изъятия было поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на него; истцы же о несогласии с изъятием органов у А.О.Саблиной не заявляли.

Определением судьи Московского городского суда от 15 октября 2015 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2015 года заявителям было отказано в передаче их кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

По мнению заявителей, статья 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» противоречит статьям 15 (часть 4), 21, 23 и 29 Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи

со статьями 3 «Запрещение пыток», 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» и 10 «Свобода выражения мнения» Конвенции о защите прав человека и основных свобод в той мере, в какой данное законоположение по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не предполагает обязанность врачей и других сотрудников государственных учреждений здравоохранения сообщать близким родственникам потенциального посмертного донора о планируемом изъятии у него органов, если, в силу пребывания родственников непосредственно в учреждении здравоохранения, имеется возможность заблаговременного информирования их об этом в срок, обеспечивающий сохранность трансплантата, а также выяснять прижизненную волю умершего либо волю его близких родственников в отношении планируемого изъятия органов.

В обоснование своих доводов заявители ссылаются также на позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную им в постановлениях от 24 июня 2014 года «Петрова (*Petrova*) против Латвийской Республики» и от 13 января 2015 года «Элберте (*Elberte*) против Латвийской Республики», указывая, что эти дела являются схожими по фактическим обстоятельствам и Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в ситуации заявителей (связанной с изъятием без их извещения и согласия для трансплантации органов погибших членов семьи) имело место нарушение запрета жестокого и унижающего достоинство обращения, а также права на частную и семейную жизнь (статьи 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

2. Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (статья 2); каждый имеет право на жизнь и право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 20, часть 1; статья 41, часть 1). К числу неотъемлемых прав человека относится и закрепленное статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом

смысле, причем понятием «физическая неприкосновенность» охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека. В силу статьи 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления (часть 1); никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам (часть 2).

Производным от названных конституционных прав является право человека на достойное отношение к его телу после смерти, которое применительно к отдельным видам правоотношений конкретизируется, в частности, в статье 5 Федерального закона от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» и статье 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Достоинство личности, кроме того, обеспечивается и правом на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации), признание которого на конституционном уровне предполагает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не предоставил. Право на неприкосновенность частной жизни означает и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер (Определение от 9 июня 2005 года № 248-О).

Из предписаний статьи 23 Конституции Российской Федерации вытекает и обязанность законодателя обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся его личной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица. Эти же конституционные предписания, исходя из того что неотъемлемым элементом частной жизни являются родственные и семейные отношения, на что обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2015 года № 15-П, предполагают необходимость уважительного отношения и создания условий для возможно полного учета мнения ближайших родственников умершего лица по тем вопросам посмертных отношений, по которым мнение самого умершего осталось невыявленным. В частности, право близких родственников заявить о несогласии на изъятие органов и (или) тканей из тела умершего, основывающееся на конституционном требовании уважения частной жизни и признании того обстоятельства, что никто не может знать предпочтения и мировоззренческие установки умершего лица лучше его близких родственников, законодатель закрепил в статье 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и пункте 3 статьи 5 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», которые, таким образом, направлены на конкретизацию положений статьи 23 Конституции Российской Федерации.

2.1. Вопрос о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» ранее уже ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации. В Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, в частности, следующее.

При осуществлении такого вида медицинского вмешательства, как трансплантация органов и (или) тканей от одного человека к другому, – в условиях возможного конфликта их интересов – задача достижения должного, не нарушающего права ни одного из них баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав предопределяет содержание

правового регулирования в данной сфере, которое должно учитывать в том числе нравственные, социальные и иные аспекты этого вида медицинского вмешательства.

Как следует из Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», трансплантация органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан и может осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав человека в соответствии с гуманными принципами, провозглашенными международным сообществом, при этом интересы человека должны превалировать над интересами общества или науки (преамбула). Исходя из этого статья 1 названного Закона предусматривает, что трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа применяется только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранение жизни больного (реципиента) либо восстановление его здоровья; изъятие органов и (или) тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред и может иметь место исключительно с согласия живого донора; органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи; купля-продажа таких органов и (или) тканей, а также реклама этих действий влекут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Определяя условия и порядок трансплантации, в частности изъятия органов и (или) тканей у трупа с целью пересадки нуждающемуся в этом реципиенту, федеральный законодатель установил в статье 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» недвусмысленно выраженный запрет на такое изъятие в случае, когда учреждение здравоохранения на момент изъятия было поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на него.

Таким образом, законодатель в данном случае избрал модель презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти («неиспрошенное согласие» или «предполагаемое согласие»), трактующую невыражение самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия, – притом что никто после смерти не может быть подвергнут данной процедуре, если известно об отрицательном отношении к этому самого лица, его близких родственников, законных представителей.

Необходимым условием для введения в правовое поле презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов и (или) тканей человека после его смерти, как отмечалось в Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О, является также наличие опубликованного для всеобщего сведения и вступившего в силу законодательного акта, содержащего формулу данной презумпции, – тем самым предполагается, что заинтересованные лица осведомлены о действующих правовых предписаниях; в Российской Федерации таким актом является Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; кроме того, российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет наступление юридической ответственности.

В Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что статья 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», содержащая формулу презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов и (или) тканей человека после его смерти, сама по себе не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

2.2. Закрепление в Законе Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» презумпции согласия гражданина на возможное использование его органов после смерти для трансплантации имело целью развитие в стране донорства и трансплантации с использованием такого регулирования изъятия органов и (или) тканей, которое способствовало бы увеличению пригодных для трансплантации органов (тканей) и спасению жизни как можно большего числа лиц, нуждающихся в ней, с учетом достигнутого уровня развития национальной системы донорства и трансплантации и сложившегося общественного отношения к данной системе.

Избранная российским законодателем модель правового регулирования, основанная на презумпции согласия на посмертное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, не является – вопреки утверждению заявителей – исключением в мировой практике и в целом основана на общепризнанных принципах и нормах международного права, наделяющих государство правом законодательного регулирования указанных вопросов, принимая во внимание основополагающий принцип – соблюдение права человека на личную неприкосновенность.

Так, Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены на Шестидесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 года, Резолюция WHA63.22) предусматривают, что для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если: (а) получено согласие в форме, требуемой законом, и (b) нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия (Руководящий принцип 1).

При этом в комментарии к данному Руководящему принципу разъясняется, в частности, что «в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семьи участвуют в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть

«четко выраженным» или «предполагаемым». В обеих системах любое надежное свидетельство непринятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию. В системе четко выраженного согласия, которую иногда называют системой «презумпции несогласия», клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего в случае, если умершим при жизни было недвусмысленно заявлено согласие на такое изъятие. В зависимости от существующего в стране закона изъятие согласия допускается в устной форме или может быть зафиксировано в карте донора, водительских правах или удостоверении личности, либо в медицинской карте или реестре доноров. В случае, если умерший при жизни не оставил ни положительного, ни четко отрицательного отношения к изъятию органа, разрешение должно быть получено от уполномоченного в правовом порядке лица, каковым обычно является член семьи. Вторая система, которая является системой предполагаемого согласия («презумпции согласия»), позволяет осуществить изъятие материала из тела умершего для трансплантации (и в ряде стран – для анатомического изучения либо в научных целях) в случае, если умерший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органа, которое должно быть зафиксировано в официальном документе в установленном порядке, или в случае, если информированная сторона не поставит в известность о возражении, высказанном при жизни умершим против донорства. Учитывая важность получения согласия с этической точки зрения, такая система должна обеспечить полную информированность людей относительно существующей политики и предоставление им беспрепятственной возможности пойти по пути несогласия».

В соответствии с Дополнительным протоколом к Конвенции Совета Европы по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения от 4 апреля 1997 года (подписан в городе Страсбурге 24 января 2002 года; Российской Федерацией данная Конвенция и Дополнительный протокол к ней не подписаны и не ратифицированы) органы и ткани не удаляются у умершего лица, если

требуемое в соответствии с законодательством согласие или разрешение на такое удаление не будет получено; удаление не может быть осуществлено, если умершее лицо возражало против этого (статья 17). Данная статья, как следует из Пояснительной записки к Дополнительному протоколу, не предвосхищая систему согласия («презюмируемого» или «прямо выраженного»), которая будет установлена, предусматривает, что в случае наличия сомнений относительно волеизъявления умершего лица в целом, должна существовать возможность опереться на внутригосударственное право в качестве источника руководящих принципов для определения соответствующей процедуры; независимо от существующей системы, если имеются сомнения в отношении воли умершего, группа врачей, ответственная за изъятие органов, должна прежде всего попытаться получить подтверждение родственников умершего; если внутригосударственное законодательство не предусматривает обратного, данное подтверждение не должно зависеть от предпочтений самих ближайших родственников в отношении донорства органов и тканей; ближайшим родственникам должны быть заданы вопросы только о выраженной или предполагаемой воле умершего человека; решающим фактором при решении вопроса об изъятии органов или тканей является высказанная воля потенциального донора; стороны должны четко определить, может ли быть произведено изъятие органа или ткани, если воля умершего неизвестна и не может быть определена на основании опроса родственников или друзей (пункты 101 и 102).

Тот факт, что вышеуказанные Конвенция и Дополнительный протокол к ней в настоящее время не подписаны и не ратифицированы Российской Федерацией, не исключает возможности учета и использования их положений при формировании российского законодательства в сфере трансплантации.

При этом во всяком случае из положений международно-правовых актов не следует, что право ближайших родственников возражать против трансплантации органов умершего лица является автономным правом,

которое может быть осуществлено по их усмотрению, поскольку данное право следует из права человека принимать независимое решение о трансплантации своих органов. Родственники могут согласиться или возражать против трансплантации органов покойного в той степени, в какой это выражает его волю.

Европейский Суд по правам человека в постановлениях «Петрова (*Petrova*) против Латвийской Республики» и «Элберте (*Elberte*) против Латвийской Республики», обращая внимание на необходимость соответствия национального законодательства о трансплантации органов и тканей человека общим параметрам, установленным международно-правовыми актами, подчеркнул особое значение соответствия внутригосударственного законодательства и принципу верховенства права: законодательные положения должны быть четко сформулированы и обеспечивать эффективную правовую защиту от произвола, они должны достаточно ясно определять пределы свободы усмотрения, предоставляемой компетентным органам власти, и порядок ее осуществления; иное может служить основанием для констатации нарушения статьи 3 «Запрещение пыток» и статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2.3. Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя положения статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», в Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О указал на необходимость – в целях соблюдения баланса прав и законных интересов доноров и реципиентов – более детальной (как на законодательном уровне, так и в подзаконных нормативных актах) регламентации вопросов, связанных с реализацией гражданином либо его близкими родственниками или законными представителями права заявить письменно или устно о несогласии на изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, а также развития и совершенствования механизмов информирования граждан о действующем правовом регулировании.

Стремление федерального законодателя реализовать данное предписание нашло отражение, в частности, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Статья 47 указанного Федерального закона, посвященная вопросам донорства органов и тканей человека и их трансплантации, предусматривает, что совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (часть 6); в случае отсутствия такого волеизъявления право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) имеют супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии – один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка) (часть 7); в случае смерти несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) допускается на основании испрошенного согласия одного из родителей (часть 8); информация о наличии волеизъявления гражданина, указанного в части 6 данной статьи, иных лиц в случаях, предусмотренных частями 7 и 8 данной статьи, выраженного в устной или письменной форме, заверенной в порядке, предусмотренном частью 6 данной статьи, вносится в медицинскую документацию гражданина (часть 9); изъятие органов и тканей для трансплантации (пересадки) у трупа не допускается, если медицинская организация на момент изъятия в установленном законодательством Российской Федерации порядке поставлена в известность о том, что данное лицо при жизни либо иные лица в случаях, указанных в частях 7 и 8 данной статьи, заявили о своем несогласии на изъятие его органов и тканей после смерти для трансплантации (пересадки) (часть 10); при этом органы и ткани

для трансплантации (пересадки) могут быть изъяты у трупа после констатации смерти в соответствии со статьей 66 данного Федерального закона (часть 11); в случае необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы разрешение на такое изъятие должно быть дано судебно-медицинским экспертом с уведомлением об этом прокурора (часть 12); не допускается принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации (пересадки) (часть 13).

Как следует из взаимосвязанных положений частей 6, 7 и 9 указанной статьи, волеизъявление одного из близких родственников о несогласии на изъятие органов и тканей для трансплантации может быть выражено в таком же порядке, в каком оформляется волеизъявление самого гражданина о согласии или несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации.

В первоначальной редакции статья 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривала, что в Российской Федерации осуществляется учет донорских органов и тканей, а также лиц, нуждающихся в лечении методом трансплантации (пересадки) органов и тканей. Содержание данной нормы в указанной части было впоследствии существенно расширено и уточнено, Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 271-ФЗ в нее внесены изменения, направленные на установление правовых оснований осуществления учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов) и порядка финансирования соответствующих мероприятий.

Как видно из текста жалобы, существо требований заявителей фактически сводится к необходимости перехода от существующей в России модели презумпции согласия на изъятие органов человека после его смерти к системе испрошенного согласия. Однако разрешение этого вопроса – притом что и та и другая нормативная модель является допустимой как с точки зрения конституционных установлений, так и с точки зрения положений международно-правовых актов – составляет прерогативу федерального

законодателя и не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, определенной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Кроме того, в настоящее время в соответствии с пунктом 15 Комплекса мер, направленных на совершенствование оказания медицинской помощи населению на основе государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2013 года № 267-р, Министерством здравоохранения Российской Федерации разработан и внесен в Правительство Российской Федерации проект федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации».

Указанный законопроект, представленный для публичного обсуждения на интернет-сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации, предполагает в развитие положений статьи 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и в целях достижения большей прозрачности всего процесса донорства органов человека и их трансплантации ведение Министерством здравоохранения Российской Федерации Федерального регистра доноров органов, реципиентов и донорских органов, состоящего из четырех регистров (Регистр волеизъявлений граждан о согласии или несогласии на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации потенциальному реципиенту; Регистр доноров при посмертном донорстве органов и органов, изъятых при его осуществлении в целях трансплантации потенциальному реципиенту; Регистр прижизненных доноров, предоставивших при жизни свои органы в целях родственной трансплантации, и органов, предоставленных в целях трансплантации; Регистр реципиентов и органов, предоставленных в целях трансплантации).

Законопроектом предусматривается более детализированная процедура выражения гражданином соответствующего волеизъявления, в том числе в устной форме, учета волеизъявлений, получения медицинской организацией

информации о наличии (отсутствии) волеизъявления гражданина, реализации близкими родственниками права заявить о несогласии на изъятие органов в случае отсутствия волеизъявления гражданина, включая информирование их о констатации смерти гражданина, которая сопровождается документированием (фиксацией) совершаемых действий.

По сведениям, полученным из Министерства здравоохранения Российской Федерации, при разработке законопроекта было уделено серьезное внимание позиции граждан и экспертного сообщества, высказанной при его публичном обсуждении. Концепция законопроекта поддержана в рамках парламентских слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, общественных слушаний, проводимых на площадках Общественной палаты Российской Федерации, Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, ряда общероссийских объединений граждан. Состоялось обсуждение законопроекта в профессиональных сообществах в рамках конгрессов, круглых столов, в том числе с приглашением ведущих иностранных специалистов.

Широкое обсуждение проекта федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» и развернувшаяся публичная дискуссия по наиболее актуальным вопросам рассматриваемой медицинской отрасли – в том числе морально-этического плана – отражает демократический процесс выработки рационального, обоснованного и справедливого законодательного решения на основе общественного консенсуса для обеспечения баланса интересов доноров и реципиентов. Только проведение свободной публичной дискуссии по столь важному (как с политико-правовой, так и нравственно-медицинской точек зрения) вопросу, каким является нормативная модель выражения согласия на изъятие органов и тканей человека после его смерти для трансплантации, позволит выработать вариант его разрешения, отвечающий конституционным целям и ценностям и одновременно отражающий существующие социальные (этические, моральные, религиозные) предпочтения. Это позволит также –

вне зависимости от избранной модели законодательной регламентации правил получения согласия на изъятие органов человека после его смерти – заложить основу широкого информирования населения о таких правилах, что применительно к отношениям в указанной сфере в силу положений статей 1 (часть 1), 2, 18, 21 и 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации является обязанностью государства и предполагает наряду с официальным опубликованием соответствующих законодательных актов осуществление комплекса дополнительных мер, направленных на адекватное распространение сведений о действующих в этой области здравоохранения правовых нормах, в том числе с привлечением институтов гражданского общества.

Вмешательство же Конституционного Суда Российской Федерации в указанный процесс – учитывая содержание обсуждения законопроекта и перспективы его принятия, а также деликатность данной проблемы и наличие разных вариантов не противоречащего Конституции Российской Федерации ее решения – было бы в настоящий момент преждевременным и не согласующимся с отмеченными конституционно значимыми целями данной дискуссии.

3. Как следует из представленных заявителями в Конституционный Суд Российской Федерации судебных решений, в ходе рассмотрения их дела судами не установлено, а ими (истцами) не было представлено доказательств того, что они заявляли в порядке, предусмотренном федеральным законом, о своем несогласии на изъятие органов у А.О.Саблиной. При этом суды, учитывая тот факт, что Е.В.Саблина регулярно навещала дочь в больнице (ввиду тяжести состояния А.О.Саблиной было разрешено посещать ее в отделении реанимации) и общалась с врачами, а также то, что Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» опубликован для всеобщего сведения, в силу чего заинтересованные лица не были лишены возможности ознакомиться с действующими правовыми предписаниями, признали несостоятельным довод представителя истцов о

невозможности заявить о несогласии на изъятие органов для трансплантации, отметив, что доказательств этому истцами также не представлено.

Таким образом, с учетом вышеизложенного само по себе нормативное регулирование, содержащееся в статье 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», в системе действующего законодательства Российской Федерации в области донорства органов не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителей.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 224-О